

там строить неудобно. Лезть надо в гору... Его жизнь съезжилась до этой маленькой территории. А раньше жил в окрестностях Владивостока везде. И второе — все-таки я в этом убеждаюсь все больше и больше: нормальные люди и нормальные компании у нас в стране, как и во всем мире, понимают, что такое экологический имидж, помощь сохранению природы. Речь не только о леопардах. Я помню, как Сергей Кириенко, тогда еще глава «Росатома», на форуме во Владивостоке сказал: я охотно даю деньги на леопарда, потому что получаю отчет за каждую копейку. И я тоже вижу, на что конкретно эти деньги пошли. Купили рации охране, купили снегоходы, построили кордоны по периметру парка, где охрана может во время патрулирования зимой остановиться обшуриться, поесть, отдохнуть. Наш фонд каждый год направляет до копейки расписанный финансовый отчет. Вот Газпромбанк — один из первых наших постоянных спонсоров. Очень активно работает.

Г: А что в ответ? Чувство удовлетворения?

С. И.: Во-первых, дали имя своему леопарду — Бэри. Они же под номерами. Мы придумали такую фишку: компаниям-спонсорам даем право выбрать имя. Это заработало. Каждый сотрудник компании голосовал за имя. «Ренова», СУЭК, «Росатом», Газпромбанк... устраивается квест, если говорить молодежным языком. Движу-ха. Потом сотрудники нацпарка сообщают спонсорам о жизни их леопарда.

Г: Не путают?

С. И.: Их спутать невозможно. Вы знаете, что пятна на шкуре леопарда — это как отпечатки пальцев.

Г: Сколько сейчас в живой природе дальневосточных леопардов?

С. И.: Около 100. Признаюсь, я сам удивлен. Ну, предметно мы стали заниматься где-то лет пять-шесть назад. Постановление правительства о создании нацпарка — раз-

второе: законы резко ужесточили о браконьерстве в отношении краснокнижных животных. Это тоже сработало. Случаев прямого браконьерства против краснокнижных на примере тигров и леопардов в последнее время просто не зафиксировано. Но новый закон предполагает тюремное заключение не только за убийство. Сейчас за транспортировку одного уса или когтя можно попасть под суд.

Г: А в чем бизнес?

С. И.: Значит, так. Особенно плохо тиграм. Тигров у нас около 500, амурских. Они не на грани уничтожения. Но внутренности, усы, когти используются в так называемой китайской медицине. И те случаи, которые в прошлом были, — это криминальный бизнес, конечно. Мы приняли закон, запрещающий не только убийство, но и транспортировку, владение... Вот если сейчас у кого-то в доме есть шкура амурского тигра или дальневосточного леопарда и нет документов, подтверждающих законность ее приобретения, то это чревато тюрьмой. Или огромным штрафом. С изъятием. Плюс к этому, конечно, мы резко усилили в нацпарке охрану. Снабдили современнейшими средствами связи, наладили очень хорошие контакты с правоохранительными органами.

Г: Поэтому территория парка называется особо охраняемой?

С. И.: У нас огромное количество особо охраняемых природных территорий и национальных парков. Мы одни из лидеров в мире по соотношению особо охраняемой территории и площади страны. Вот я был в начале года в Мурманске. Мы открыли там национальный парк, и тоже уникальный. Он расположен там, где три границы соединяются, на территории трех государств. Норвегия, Финляндия и Россия. Там реликтовый лес. Очень красиво, огромное количество животных. Парк общий на три страны. Так вот я узнал, что 18% всей Мурманской области — это территория особо охраняемая или национальные

парки. Это много. И по России. И в этом году, даже не потому, что это год экологии, мы еще открываем несколько новых нацпарков, не обязательно связанных с животными. Это может быть и уникальная растительность. Вообще, первый нацпарк у нас был создан 100 лет назад Временным правительством — «Баргузинский»: соболю там живет сейчас под защитой. Иначе бы истребили. Так же, как леопарда и тигра.

Г: Увы, в России часто законы не обязательны для исполнения.

С. И.: В Приморском крае МВД создало специальное подразделение экологической защиты и борьбы с правонарушениями против краснокнижных животных. И вот они уже несколько преступников отловили и довели дело до суда. Плюс если говорить вообще об экологии, а не только о тиграх и леопардах, то у нас прокуратура очень сильно активизировала работу. В ходе прокурорских проверок за 2016 год выявлено 288 тыс. нарушений закона в экологической сфере. И это только прокуратурой! Тут, конечно, и незаконный слив химикатов в водоем, и вырубка леса. 66 тыс. должностных лиц привлечены к ответственности. Понимаете, об этом не говорят и не пишут, потому что это рутинная работа, а для журналиста всегда важен скандал.

Г: Вернемся к нашим леопардам. А как взаимодействуют с леопардами тигры?

С. И.: Враги страшные.

Г: Враги?

С. И.: Как все коты. Если леопард не убежит от тигра, то есть не залезет высоко на дерево или не спрячется, то ему конец. Тигр обязательно убивает его. Враги заклятые. Но пока территории хватает и питания хватает. В нацпарке зафиксированы 23 амурских тигра — уживаются, как-то обходят друг друга стороной. Ну, леопард-то — он скрытное животное, не только от людей, но и от тигров прячется. Века его истребления людьми в гены ему заложили, что

самый страшный противник — это человек. От него надо в первую очередь всячески прятаться, убежать.

Г: Не мешает то, что национальный парк находится у самой границы?

С. И.: Наоборот, пограничники и сотрудники парка всегда друг другу помогают. Не так давно был уникальный случай, когда пограничники спасли леопарда.

Г: Известный случай. Говорят, о нем даже фильм сняли.

С. И.: Зверь, скорее всего, на территории Китая попал в браконьерскую петлю. Из капкана-то он вырвался, но лапу очень сильно повредил. Нашли его и оказали первую помощь как раз пограничники. Я даже разрешил им спасенному леопарду имя дать. Но вернуть зверя в природу из-за травмы было невозможно: он просто не смог бы охотиться. Сейчас живет в зоопарке. Ученые говорят, что это редкий подарок судьбы — иметь производителя из дикой природы.

Г: Ваша миссия относительно дальневосточных леопардов выполнена?

С. И.: Вы знаете, какая у меня в связи с леопардами мечта?

Г: ?

С. И.: Сейчас мы отступили от края пропасти. Ученые говорят: теперь уже вид не исчезнет. При этом в зоопарках всего мира находятся около 300 таких животных. Моя мечта, чтобы в живой природе их было больше, чем в зоопарках. Задача невероятно сложная: нужно же расширять ареал обитания. 300 леопардов на территории нынешнего нацпарка никогда не уживутся. Тесно. Нужны новые земли. Но не будем опережать события. Теоретически есть идеи, как это сделать.

Г: Может быть, существует возможность переселить какую-то их часть в иной климатический пояс?

С. И.: Невозможно. Это и есть уникальная климатическая среда.

Беседовал ВИКТОР ЛОШАК

СЕРГЕЙ ИВАНОВ (В ЦЕНТРЕ) УБЕЖДЕН: В РОССИИ ПОНИМАЮТ, ЧТО ТАКОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМИДЖ, ПОМОЩЬ СОХРАНЕНИЮ ПРИРОДЫ

